

Александр Телегин

День рождения покойного

Александр Телегин

День рождения покойного

<https://litres.ru/74230097>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отставной полковник Николай Мартемьянович Спиридонов приезжает в родное село, которое вместе с другими первоцелинниками построили его родители, и которое много лет назад ему пришлось покинуть. Он останавливается у двоюродной тёти. Неожиданно он попадает на праздник семидесятилетия села. Большинство людей ему незнакомы. Он встречается с несколькими оставшимися здесь одноклассниками, заходит в родную школу. На его родине произошли большие перемены.

Содержание

I	4
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Телегин

День рождения покойного

I

Где-то в Сибири на берегу речки Быструшки стоит село Изобильное¹. Оно было создано во время освоения целинных и залежных земель недалеко от села Берёзовки, в которое до этого не гонял своих телят даже некий Макар из известной поговорки. Кругом была только безбрежная степь, мелкоколесье, серое небо и тоска.

И вдруг степь ожила: завывли моторы, затарахтели трактора, застучали топоры, запели пилы, зазвенели молодые голоса, закипела работа, и родился совхоз «Берёзовский». Родившееся вместе с ним село, долгое время никак не называлось, а через двадцать лет его назвали Изобильным. И название это отражало не столько действительность, сколько мечту.

Приехали на целину и родители Николая Мартемьяновича Спиридонова. Отец его — Мартемьян Иванович — пришел прямо из армии, даже не сняв гимнастёрки и армейской фуражки. Рядом с ним с чемоданом в руках, в забрызганных грязью демисезонном пальто и сапогах, повязанная белым

¹ Все географические названия, персонажи и события вымышленные и не имеют никакого отношения к реальности.

платочком, шагала матушка будущего Коли с простым русским именем Варвара Степановна.

Мартемьян Иванович, как бывший танкист, немедленно сел за рычаги трактора ДТ-54, а его жена, не имевшая никакой специальности, стала работать на стройке разнорабочей.

В то время была у народа великая мечта: стереть все различия между городом и деревней. А где же воплощать эту мечту в жизнь, как не на целине! И было решено построить в Берёзовском совхозе агрогородок.

Жильё в агрогородке и условия жизни в нём должны были сильно походить на городские: то есть дома быть не щитовыми, не бревенчатыми, а кирпичными, не одноэтажными, а двухэтажными, и в каждой квартире предусматривались ванная, туалет, а главное, центральное отопление — вещь для деревни неслыханная! Поэтому одновременно с агрогородком на окраине посёлка строилась центральная котельная. Но агрогородок с котельной ещё не были построены, и Спиридоновы получили квартиру в обыкновенном щитовом четырёхквартирном доме со всеми удобствами на дворе.

В месяц двадцатого съезда КПСС появился на свет и Колька. Потом у него родился братик, потом сестрёнка, и совхоз дал Спиридоновым только что построенную большую трёхкомнатную квартиру, а в их однокомнатной в щитовом доме поселилась мамина двоюродная сестра Дуся, приехавшая из ликвидированного села Малиновка в далёком боло-

тистом урмане².

Через три года после Колькиного рождения, в конце лета были готовы и двухэтажные благоустроенные дома, и котельная, и постамент под дымовую трубу. С ближайшей от Берёзовского совхоза железнодорожной станции за сто километров приполз подъёмный кран — такой огромный, какого никто никогда не видел — вытянул свою стрелу и, нежно обняв трубу тросами, стал медленно, медленно поднимать её, осторожно перенёс к постаменту и аккуратно опустил на уготованное ей место. Набежали рабочие, прикрутили её болтами к основанию, и вдобавок закрепили шестью стальными растяжками. Тут же затопили котлы, потрогали в домах батареи, и все увидели, что это хорошо.

Зачем же так подробно рассказывать о котельной? Да затем, что она стала новым местом работы для Колькиной мамы. «Как?! Женщина-кочегар?!!» — возмутится критично настроенный читатель, и будет неправ. Где же в селе найдёшь лёгкую работу? Кидать в топку уголь нисколько не труднее, чем таскать фляги и новорождённых телят на ферме; на свиноматке подходить с кормом к беспокойным злым свиноматкам и хрякам или целую смену лопатить на току травленное зерно.

К тому же женщина-работница имеет против мужчины много преимуществ: она не заснёт и не упустит воду, следовательно, не взорвёт котёл; не напьётся пьяной и не пропу-

² Урман — хвойный лес в Западной и Средней Сибири.

стит смену; не пристраститься пить на работе с подружками водку, следовательно, не пропьёт угля, — да много ещё можно перечислить добрых свойств женщины.

Итак, Варвара Степановна стала работать в совхозной котельной кочегаром, а Колька расти и играть в свои детские игры. а потом он пошёл в школу.

Школа была восьмилетняя и, как казалось Кольке, большая, просто огромная. Каждого класса было по два, и все классы настоящие, то есть, не по восемь-десять, а по двадцать пять-тридцать человек, и знания в Берёзовской школе номер два давали в две смены.

Первоклашки ходили в школу без сопровождения, потому что в селе все собаки и дети знали друг друга и были приятели, а взрослым даже в голову не приходило обидеть, тем более, украсть малыша и потребовать за него выкуп. И Колька беззаботно рос живым самостоятельным пацаном.

В третьем классе его посадили за одну парту со Светкой Афанасьевой, с матерью которой Варвара Степановна работала в кочегарке в одной смене. Иногда, когда морозы были не слишком сильны, Колька приходил в котельную, и мать мыла его в душе. Там было жарко и парко, как в бане, вода горячая — прогревала до самых костей, и он выходил разомлевшим, расслабленным, довольным, обсыхал и шёл домой делать уроки.

Светка тоже прибегала к своей матери, но никогда не мылась, не парилась, а ябедничала: «Тётя Варя, а ваш Колька

сегодня получил двойку по чтению. Он не выучил стих про крестьянских детей». Мать приходила со смены, требовала дневник и давала Кольке встрёпку.

Колька пропустил два доноса, а после третьего грозно сказал Светке: «Ты зачем наябедничала мамке, что я получил по диктанту двойку?! Ябеда, врунья! Это ты получила двойку, а я три с минусом». — «Три с минусом тоже двойка! Три с минусом тоже двойка!» — дразнилась она, смеясь и приплясывая. «Я тебя сейчас бить буду!» — расвирепел он. «Не будешь, не будешь!» — щебетала она, заливаясь смехом и игриво побежала от него. Он кинулся вдогонку, поймал её за руку и повернул к себе лицом. А Светка всё ещё думала, что он играет. Она смеялась искренно, весело, добродушно, и глаза её сияли, и косички мелко дрожали от смеха. А Колька шлёпнул её ладонью по лицу. Она перестала смеяться, но улыбка всё ещё дрожала на румянном личике, только стала неловкой, удивлённой и беззащитной. Кольке от этой улыбки стало вдруг так стыдно, что он попятился и выбежал из класса.

Когда он вернулся вместе со звонком, Светка сидела, уткнувшись в парту, подложив под лицо руки. «Светка, прости, — сказал он, — я не хотел». — «Ладно», — ответила она и встала, потому что в класс входила учительница.

Когда Колька учился в пятом классе, случилось самое страшное событие в его детстве.

Была поздняя осень, урожай в том году был неважным,

и совхоз выдал своим рабочим совсем мало сена и зерна на корм скоту. У Спиридоновых было уже две коровы и поросянок. Коровы стояли в пригоне и мычали, сообщая, что хотят жрать, а поросянок противно визжал от голода.

Однажды, когда стемнело, отец приехал домой на комбайне и выгрузил целый бункер зерна, а потом отец, мать и Колька, задыхаясь от спешки, бегом таскали в темноте это зерно ведрами в сарай. Они не успели перенести даже половины, когда к ним пришла милиция, которую вызвала их соседка тётя Глаша, видевшая, как Мартемьян Иванович приехал на комбайне и выгружал зерно.

Счастливая Колькина жизнь в этот миг переломилась: стало тяжело и противно. Семью будто придавило. Отец старался не показываться на людях, мать украдкой плакала, а Колька перед всем миром чувствовал себя противным и гадким, хотя все друзья и знакомые относились к нему, словно ничего не случилось, и только однажды семиклассник Лёшка Пимокатов — отъявленный отличник — назвал его ворёнком, за что Светка Афанасьева, шараясь по башке портфелем и так отчаянно бросилась драться, что Лёшка пустился наутёк.

В феврале состоялся суд. Проходил он в новом, только что построенном клубе, вернее, Доме культуры, и был образцово-показательным.

— Давайте попросимся, — сказал отец, отправляясь в клуб, — не хочу на глазах чужих людей.

Мать повисла у него на шее, и Колька впервые увидел, как отец плачет.

— Я убью эту гадину! — сказала мать.

Потом отец обнял его, брата и сестру.

— Прощай, Николай. Помогай матери, учись хорошо. А теперь иди в школу. Ни о чём не думай.

Но разве мог Колька ни о чём не думать?! На первом уроке русского языка он ничего не слышал и не понимал. К нему подошла проводившая урок завуч Наталья Александровна и сказала:

— Коля, тебе сегодня трудно учиться. Если хочешь, можешь идти домой.

Он благодарно посмотрел ей в глаза и пошёл. Но не домой, а на суд. Там он увидел отца: маленького, растерянного, жалкого, и понял, что жизнь — это не только радость и ломает даже таких сильных людей, как его отец.

Отцу дали полтора года лишения свободы и сразу после суда увезли в тюрьму. Колька с матерью издалека смотрели, как он садился в будку «воронка», и плакали.

Прошёл год. Колька лежал дома больной, мать спала после ночной смены. В комнате стояли сумерки зимнего утра. Вдруг раздался стук в окно. Мать выскочила в ночной сорочке и тапочках на босу ногу. Застучали наружные двери, что-то упало, раздался пронзительный крик матери, испугалась и завопила младшая Кошкин сестра. До смерти напуганный Колька выскочил в заледенелые сени. На крыльце стоял вер-

нувшийся отец.

Из окна соседнего дома, отодвинув занавеску, выглядывала доносица тётя Глаша. Мать сказала отцу, тот обернулся, показал ей кулак, и занавеска тут же задёрнулась.

Ах, какая была радость! Какой праздник! Но длился он недолго. Через несколько дней отец сказал:

— Тяжело мне. Кажется, все встречные думают: «Вот идёт вор!».

— Я тоже не хочу здесь жить. Ненавижу эту тётю Глашу. Когда-нибудь я сорвусь и убью её. Давай уедем, пока не поздно, от греха подальше.

И Спиридоновы уехали в большое село недалеко от Города, куда давно звал их друг Мартемьяна Ивановича по службе в армии.

II

Прошло много-много лет.

Николай Мартемьянович окончил высшую школу милиции, дослужился до полковника, вышел в отставку и жил в Городе на пенсии. Он был удачно женат, прожил с женой сорок три года, имел двух дочерей и троих внуков. Недавно он переехал в большую благоустроенную квартиру, которую купил, оставив прежнюю старшей дочери. Квартира была на шестнадцатом этаже очень красивого дома, и из неё открывался потрясающий вид на могучую Обь.

Раз или два в год они с женой покупали турпутёвку в Таиланд, который им очень нравился. «Для кого-то Париж, а для меня Таиланд — праздник, который всегда со мной!» — часто говорил Николай Мартемьянович.

Уехав из Берёзовского совхоза, его родители прожили долгую счастливую жизнь и умерли недавно, совсем немного не дожив до девяноста лет, редко вспоминая свою целинную молодость и совхоз, который они создавали, и в котором их тоже давно забыли и никогда не приглашали на юбилеи целины.

За прошедшие пятьдесят шесть лет Николай Мартемьянович лишь однажды побывал в Берёзовском районе, и то по делам службы в местном РОВД. Он даже заскочил к своей двоюродной тёте в их старую квартиру в щитовом доме.

Берёзовского совхоза уже не было, вместо него было опытно-производственное хозяйство «Изобильное», и центральная усадьба именовалась так же — село Изобильное.

Хозяйство было в самом расцвете. Жизнь кипела: строились коровники, мастерские, на въезде возвышались восемь сенажных башен, недалеко от них раскинулся громадный откормочник, жилые дома появлялись целыми улицами, сновали машины, трактора, само небо звенело от их гуденья, а имя директора гремело на всю область.

Но долго расспрашивать и рассматривать было некогда, и Николай Мартемьянович, наспех попив у тёти Дуси чаю, в пол-уха выслушав, что она надоила в прошлом году по четыре тысячи литров молока от коровы, поцеловав её и передав привет от родителей, убрался восвояси.

Но чем старше он становился, чем чаще приставали к нему болезни и неотвязчивей думалось о смерти, тем сильнее чувствовал он ностальгию по детству: по селу, в котором родился; по жгучим морозам и жестоким метелям, когда не видно соседних домов; по весенним ручьям, бегущим в Быструшку, по тёплым июльским ливням, бултыханию с соседскими мальчишками в образовавшейся по пояс луже за огородами; по лапте на зелёной поляне и футболу на школьном дворе; по пахучей траве, по цветочным полянам за совхозом; по школе, её огромному залу, в котором они носились с неистовыми воплями; по своим учителям и одноклассникам, по Светке Афанасьевой; по жарким помывкам у матери в котельной; по

кино за пять копеек в старом деревянном клубе; по сладкому «ситро» которое пили из горлышка по очереди всей компанией, по конфетам «подушечка» в бумажных кулках, по книгам, по счастью, по жизни, казавшейся тогда бесконечной...

И он не выдержал и поехал в Изобильное к тёте Дусе.

На въезде в бывшее ОПХ увидел он знакомые сенажные башни, но уже не восемь, а только пять, на месте откормочника валялись на земле кучи битого кирпича. Уже не было одноэтажной котельной, в которой работала мать. Вместо неё стояла новая пятиэтажная, со множеством окон, которые, однако, были аккуратно выбиты — все до единого, и в которые влетали и вылетали голуби. Уже и кирпичи в нескольких оконных проёмах начали осыпаться, а на крыше выросла маленькая берёзка. Без малого на полсела тянулось мехток с длинными, на сотню метров, зерноскладами, с огромными ГДР-овскими бункерами, зерноочистительными линиями, и зерносушильными комплексами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.